

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 161—180.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. Special issue. P. 161—180.

Научная статья

УДК 79.14(470.315)

DOI: 10.46726/И.2023.5.18

СИСТЕМНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА (О)СОЗНАНИЯ: И.В. ДМИТРЕВСКАЯ В ПОИСКАХ НООСФЕРНЫХ СМЫСЛОВ

Григорий Станиславович Смирнов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
smirnovgs@ivanovo.ac.ru

Аннотация. Статья посвящена фундаментальной проблеме философского творчества профессора И.В. Дмитревской — системной герменевтике как способу описания сознания и обнаружения ноосферных смыслов бытия человека и человечества. Прослежена логика развития и обозначены исторические особенности системной герменевтики в трудах И.В. Дмитревской. Зафиксированы истоки авторского метода — «уёмовская логика» и «язык тернарного описания». Показано развертывание системной герменевтики как оригинального философского метода анализа текстов культуры. Сделан вывод, что системная герменевтика обеспечила эвристичность ноосферных исследований И.В. Дмитревской, а поиск ноосферных смыслов и глубинной концептуальности может быть рассмотрен как своеобразный аттрактор ее философского мышления. Обосновано положение о создании И.В. Дмитревской отдельного направления в рамках ноосферологии — системной герменевтики ноосферной деятельности.

Ключевые слова: герменевтика, «язык тернарного описания», системная герменевтика, ноосферный диалог, ноосферный текст, ноосферный смысл, ноосферная деятельность, ноосферная философия

Для цитирования: Смирнов Г.С. Системная герменевтика (о)сознания: И.В. Дмитревская в поисках ноосферных смыслов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 161—180.

Вместо введения. История философии обычно строится на именах великих философов. Их творчество как узловая линия мер создаёт нить Ариадны, которую время от времени пытается ухватить каждый человек, даже весьма далёкий от философии. Но есть и другая визуализация философского процесса — развитие древа мира, которое «строится» не только большими ветвями, но и маленькими ветками и даже опадающими каждый год увядающими листьями. В эту бинарную концептуальность мирового и планетарного философского знания вписываются университетские философы, в том числе провинциальные профессора, по полвека своей жизни отдавшие духовным трудам на ниве регионального философско-методологического образования.

В новых геополитических и цивилизационных условиях отчетливо обнаруживается потребность описать развитие отечественного философского сознания в отдельных регионах, выявить историческую и персоналистическую канву этого «невидимого» миру и стране процесса. Создание цикла очерков об ивановских философах уже стоит на повестке дня. Рано или поздно на базе

© Смирнов Г.С., 2023

накопленной мозаичной философской рефлексивности будет создана ивановская страница региональной ноосферной истории.

Творчество профессора И.В. Дмитриевской (1938—2017) — одна из значительных страниц «философской книги» Иван-края. Тремя краеугольными камнями сферы ее научных интересов являются философия сознания и ноосферы, системная герменевтика и логическое кантоведение [Алексеев 1999: 251]. Цель настоящей статьи — описать персоналистическое измерение системно-герменевтического видения мира-как-текста и текста-как-мира, свойственного И.В. Дмитриевской, его основания, императивы и максимы.

Принцип исправления имени (фамилии). Существует легенда о том, что фамилия «Дмитревская» (как и ее орфографическая форма) имеет непростую историю¹. Легенда гласит, что после революции 1917 года отцу Ирины Владимировны пришлось изменить фамилию, чтобы не бросалась в глаза связь со священническими корнями фамилии «Дмитриевский». Ушла всего одна буква, но изменилась социальная сущность и духовная реальность почти сакральной фамилии. Вся жизнь И.В. Дмитриевской была непрерывным доказательством, что эта буква никуда не ушла, что мир большого личностного всемирного сознания продолжал жить в диалектике рода. Религиозные корни философствования И.В. Дмитриевской — непреложный эмпирический факт, без которого невозможно «правильно» понять системную герменевтику её личностно-персоналистического сознания.

Глубинные истоки системной герменевтики. Жизнь любого философа строится как Универсум бытия («мёбиус-бытия»), взятый в переплетении телесного и духовного, личностного и общественного, человеческого и вселенского, а в пределе сверхсложной выраженности — человека и Бога². Свет сакральных смыслов для И.В. Дмитриевской всегда таился между философских и философийных строк, как он присутствует в феофангрековской, рублевской и дионисиевской фреско-иконописной традиции, которая, на первый взгляд, берет начало в византийской герметичности. Но может статься, что это — визуальное выражение высших смыслов жизни многотысячелетней истории наших евразийских предков³.

Вспоминая разговоры с И.В. Дмитриевской, понимаешь, что широта её религиозного сознания определялась императивом философской свободы. Она

¹ Многие, цитирующие труды И.В. Дмитриевской, пишут «Дмитриевская» и даже удивляются, что фамилия пишется иначе.

² Некоторые отечественные философы считают, что «глубинное русское православие» подготавливалось тысячи лет, что оно напитано не только языческими силами природы, но и «археомифами», которые оказались «подобными» (по герметическому принципу подобия «что сверху, то и внизу; что внизу, то и сверху») большому (как теперь становится понятным) — евразийскому — сознанию. Именно по этой, как думается, причине столь безраздельное господство западной философии в сознании советских философов (это лишь отчасти касается И.В. Дмитриевской), чаще всего не переходило границ, разрушающих большие смыслы «русской вселенской философии».

³ Поразительно, что и старая, и новая Россия так и не собралась продлить свою историю — вернуть хотя бы виртуально (после петровского секвестирования «исторического времени») представление о своем существовании от «сотворения мира». Для нашего Волго-Окского междуречья это проявляется в том, что до сих пор нет музея «сунгирского прародителя» будущей «Ростово-суздальской Руси», затем и «Московского царства» и «Российской империи». (Сунгирская стоянка была обнаружена в середине XX века, а относится ко времени около 25 тыс. назад).

с такой же открытостью как и к православию (оно было корневым по определению и родовым традициям), относилась к мировым религиям и «художественным» религиозным системам. Они воспринимались именно как сложнейшие духовные образования, смысл которых требует глубинного герметического и герменевтического анализа. Так, например, она относилась к чтению «романов» Карлоса Кастанеды, которые позволяли приблизиться к сакральному во вселенской духовной бытийности.

Теология органически оказалась дополнена филологией. А метафизическое соединение филологического и философского сознания создавало предпосылки для рождения особой философской теории — системной герменевтики⁴.

«Логика» формирования системной герменевтики. И.В. Дмитриевская — ученица Авенира Ивановича Уёмова, который после окончания философского факультета МГУ приехал на работу в Ивановский государственный педагогический институт (ИГПИ), где преподавал логику и философию в 1952—1964 годах [Плесский 2008: 215]. Такой выбор А.И. Уёмов, очевидно, сделал потому, что родился в деревне Поречье, расположенной в 5 км от знаменитого села Васильевское Шуйского уезда (ныне Ивановской области). Выпускник кафедры логики МГУ он преподавал логику студентам-филологам и создал в ИвГУ логический кружок, с которого и начинается философская стезя И.В. Дмитриевской [Дмитревская 2010]. Результатом работы этого кружка стало создание сборника задач и упражнений по логике (с ответами и комментариями), который и сейчас используется для изучения логики [Уёмов 1961]⁵.

Думается, что философское развитие И.В. Дмитриевской сначала в ИГПИ, а затем и в ИвГУ (опиравшееся на изучение разнообразных, в том числе и западных традиций) шло в русле метакафедрального «противостояния» диалектико-материалистических тенденций (Н.П. Антонов, Г.Н. Гумницкий, П.А. Лежебоков) и общей теории систем А.И. Уёмова (творческое развитие которой было характерно для самой И.В. Дмитриевской). Показательно, что ответственным редактором главной книги И.В. Дмитриевской той поры [Дмитревская 1985] был Г.Н. Гумницкий, а не А.И. Уёмов, который, как можно было понять из разговоров, был более требовательным в плане использования ЯТО, хотя и не отказывался от научных консультаций для своей аспирантки. При этом важно отметить, что Г.Н. Гумницкий виртуозно совмещал материалистическую диалектику и по-своему понимаемый системный подход [Гумницкий 1987], что было модно для советских философов того времени как форма наполнения конкретным содержанием философского абстрагирования от быстро усложняющейся социальной и геополитической реальности⁶.

---

⁴ В 1999 году обозначила себя своеобразная форма опережающего отражения — фиксация направления будущего философско-герменевтического поиска. «Системная герменевтика ... исследует проблемы понимания и порождения текста. <...> показывая, что методология системного подхода позволяет выявить общие для объяснения и для “вчувствования” модели понимания» [Алексеев 1999: 251].

⁵ Абсолютная точность формально-логического мышления — ценность, которую И.В. Дмитриевская прививала своим ученикам и аспирантам, а её тесты были больше похожи на математические трактаты, где цифры заменены на буквы.

⁶ Сейчас издалека становится видно, что в поисках варианта системного подхода, выходящего из формальной (и неформальной) логики и предельно творчески объясняющего происходящие на глазах фундаментальные события, более всего конструктивным оказался А.А. Зиновьев. Это говорит о том, что советская философия была не такой уж «кондовой», она могла дать и давала фундаментальные результаты,

Системная герменевтика как советская аналитическая философия.

Востребованность глубинного философского анализа для развивающегося советского общества была естественна, и элитное и народное сознание кардинально менялось, страна обретала свою новую глобальную телесность и даже конституциональность⁷. Задача выйти на простор прикладной и практической философии стала совершенно очевидна, поэтому поиски работающей философии велись не только на верху, но и внизу. Другое дело, что то, что делалось внизу, мало интересовало того, кто находился вверху. Если бы ситуация была другой, то генсек Ю.А. Андропов не стал бы говорить о том, что он не знает страны, в которой живет. Думается, что если бы партийному аппарату удалось актуализировать философские, социологические, психологические, гуманитарные исследования в перестроечный и постперестроечный период, то была бы возможность найти исторически оправданные пути дальнейшего развития, без того, чтобы «выбрасывать» белый флаг вместо красного в условиях завершающего этапа холодной войны.

И.В. Дмитриевская не любила, когда ее включали в какую-либо систему⁸. Может быть, именно поэтому координаты её системной герменевтики обнаружили себя на пересечении не только «теологии», филологии и философии, но и в методологическом плане в частичном совпадении «материализма» и «идеализма», аналитической и синтетической традиций. «Оставалась, и остаюсь, приверженцем методологии системного подхода, широко применяю её в герменевтике, анализе научных и художественных текстов. Постепенно определились контуры новой области герменевтического анализа — системной герменевтики. Ее основания изложены в монографии “Научный текст: опыт системологического исследования”, работе “Текст как система: понимание, сложность, информативность”, докторской диссертации “Методологические проблемы исследования текста как системы”, главах коллективных монографий и в статьях» [Дмитриевская 2010: 72].

Парадоксы системной герменевтики. Любая теория требует разъяснения посредством примера, а также процедур верификации и фальсификации. Это, прежде всего, даёт возможность личностного вхождения в теорию и на уровне интерпретации и на уровне собственно понимания. Со вторым (попыткой аутентичного понимания) всегда возникают большие трудности и личностно-антропологического и когнитивно-гносеологического порядка. Приходится признать, что второе восхождение больше похоже на «дурную бесконечность» — «чем больше понимаешь, тем меньше понимаешь», что лишь намекает на знаменитое сократовское «я знаю, что ничего не знаю, но...» и заставляет «по серьезному» относиться к вечному вращению (карусели) в «герменевтическом круге».

которые, как оказалось, не были нужны начинавшей двигаться в сторону мирного сосуществования и конвергенции с Западом партийной элите.

⁷ Это естественное желание философского развития в мировом ключе наталкивалось на партийный консерватизм, который питался внутренним противоречием борьбы двух тенденций в партии. Одну из них можно было бы условно назвать сталинской («метаста-рообрядческой»), а другая «троцкистская» питалась соками «метаникониянства», постоянно укреплявшегося за счет роста «украинского» влияния в партии.

⁸ Ирина Владимировна для своих юных и неюных коллег часто озвучивала три важных «правила жизни»: не включайте меня в свою систему, приносите новую информацию, говорите о хорошем, а не о плохом. Такая парадигма делала общение очень конструктивным и легким, позволяла обсуждать самые разные вопросы.

Обратимся к важному примеру, который может быть «лакмусовой бумажкой» процесса понимания, пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад», творчество которого для И.В. Дмитревской — камертонально: с него начинается тонкая настройка сложной работы в «диалектической логике» системной герменевтики⁹. В советской историографии драматургия А.П. Чехова представлялась иногда как жизнь «запутавшейся и постоянно ноющей интеллигенции»¹⁰. «В отличие от других пьес, в “Вишневом саде” экзистенциальная ситуация рассматривается не только с психологической, но и с социальной точки зрения. Это бытие *на грани смерти*: вместе с Раневской и Гаевым с исторической сцены сходит класс дворянства и дворянской интеллигенции» [Дмитревская 2008: 88]. Кажется, что гибнет страна. «Новые хозяева жизни — “лопахины” — настроены только на обогащение и наживу, это *путь смерти для России*» [Там же: 92]. Вот в этот момент напряженного противоречия между старым и новым, между материальным и духовным возникает вопрос о «золотой осени» и гибели «русской интеллигенции».

Применение системной герменевтики к анализу этой уже не драматической, а трагической ситуации привело к неожиданному выводу¹¹: «Самое удивительное качество этих сходящих с исторической сцены персонажей — их психологическая сохранность, целостность. Они покидают родное гнездо, физическое место обитания..., они разорены, но духовно сохранены. ...Они остаются верными себе, нравственно-этическим нормам, которые усвоили с детства. В пьесе “Вишневый сад” А.П. Чехов не явно, но настойчиво проводит... мысль о том, что лучшие качества русских интеллигентов нужны для счастливой жизни будущих поколений» [Там же: 94—95].

⁹ На кафедре философии ИвГУ эпохи И.В. Дмитревской обнаруживают себя две эволюционирующие и «конкурирующие» концепции — «неуёмная» «уёмовская логика» и «диалектическая логика», развивавшаяся профессором П.А. Лежебоковым, который учился вместе с А.И. Уёмовым в МГУ на одном курсе, а затем был приглашен последним как заведующим кафедрой философии ИвГУ [Плесский 2008: 217]. И.В. Дмитревская промыслительно была близка к философскому мышлению профессора Н.П. Антонова, но не воспринимала «философскую жесткость» П.А. Лежебокова, который некоторое время в 1990-е годы тоже был заведующим кафедрой. Для неё было характерно желание «уйти на северный полюс» не только от «марксистских штудий», но и от нового стиля работы кафедры.

Философия неотделима от её «носителя и творителя», и этот закон до некоторой степени приобретает характер эмпирического обобщения. Но в то же время нельзя уйти и от экологической среды существования на кафедре различных «философских организмов», которые одновременно и конкурируют, и вступают в симбиотические отношения. Такой симбиоз подспудно имел место во взаимоотношении «уёмовской» логики и противостоящей ей «лежебоковской» диалектической логике. В одной из своих статей И.В. Дмитревская так представила эту ситуацию как требование размышлять «используя при анализе язык “человеческой” логики и системного подхода» [Дмитревская 2003: 200].

¹⁰ Очевидно, ленинские оценки «русской интеллигенции» сыграли в этом случае свою «императивную» роль.

¹¹ Но, прежде всего, следует сказать о «герметизме» философской работы И.В. Дмитревской. Как-то в личной беседе она рассказывала, что понимание Чехова и Толстого связано с тем, что она «приглашала» в гости именитых авторов, и они размещались на диване, стоящем у балконной двери, тем самым нагружая рождающийся текст экзистенциальными обстоятельствами соприсутствия. Такого рода «ноосферный диалог» заставляет внимательно относиться к выводам, рождающимся в технологии «полного погружения».

Ситуация с дворянской интеллигенцией сильно напоминает эпоху перестройки, когда советская интеллигенция оказалась в положении, когда новорусские Лопухины, приватизировавшие всю социалистическую (общенародную) собственность, начали вырубать «Вишнёвый сад» идеала общности «советский народ», а самой народной интеллигенции отвели роль функционирования в «сфере услуг». Но точно также как дворянская интеллигенция в гимназиях и школах передавала свою культурность пришедшему на историческую арену революционному народу, советская интеллигенция, выросшая из крестьянско-пролетарской культуры, старалась передать общенародные ценности молодежи, сознание которой оказалось под небывалым давлением хищнической и эгоистической культуры постсоциалистического капитализма. По сути дела, И.В. Дмитриевская выразила в этом примере системно-герменевтического анализа свою личностную (и потому абсолютную) уверенность в истинности предлагаемого концепта (главного смысла, системообразующего свойства), а затем показала его жизненность на определённом субстрате с заданными свойствами¹².

Философские языки описания художественного сознания. Обратим внимание на специфику комплексного подхода к философским языкам описания художественного сознания в моментах дискретности или текстовой мозаичности. Каждая пьеса А.П. Чехова представляется как предмет, рассматриваемый с разных сторон (поаспектный анализ): и последовательность подходов/аспектов, и их количество вариативно и специфично, различна и объёмность текстов, отводимая для процедуры объяснения.

«Иванов»: системный, герменевтический, социальный, феноменологический и герменевтический аспекты.

«Чайка»: символический, экзистенциальный, герменевтический, феноменологический, социальный аспекты.

«Дядя Ваня»: экзистенциальный, герменевтический, социальный, символический, феноменологический аспекты.

«Три сестры»: экзистенциальный, герменевтический, символический (символизм), феноменологический аспекты.

«Вишнёвый сад»: экзистенциальный, герменевтический, символический (символизм) и феноменологический аспекты¹³.

¹² Еще более сложные системно-герменевтические построения характерны для анализа творчества М. Павича. И.В. Дмитриевская детально анализировала романы «Хазарский словарь», «Внутренняя сторона ветра». Оставляя читателю повод для самостоятельного знакомства с автором романов и его толкователем, приведём лишь одну знаковую цитату, которая завершает осмысление последнего из упомянутых романов: «И тем не менее правомерно считать текст романа М. Павича *ноосферным*: он креативен, потому что побуждает читателя к творчеству в процессе понимания, имеет целостную структуру и завершённую систему образов, информативен в аспекте ноосферного закона, информация романа кумулятивна, она возрастает от прочтения к пониманию» [Дмитриевская 2014: 298].

¹³ Анализ пьесы «Иванов» открывается системным аспектом, а продолжается герменевтическим, социальным, феноменологическим (и герменевтическим) аспектами. Заметим, что, очевидно, этот текст наиболее ранний, так как с системного подхода не начинается анализ других пьес). «Чайка» открывается символическим аспектом, а продолжается экзистенциальным. Все остальные тексты открываются именно экзистенциальным аспектом, при этом герменевтический аспект всегда предшествует феноменологическому. Отчетливо видно, что есть хронологическая дистанция между обращением в той или иной пьесе, что имеет место методологическая дополнительность в логике транзитивности.

Движение в сторону философии экзистенциального (которое отчетливо видно в доминантности как постановке на первое место), как думается, отражает не столько динамику мыслительного процесса И.В. Дмитриевской, сколько внутреннюю динамику самой чеховской драматургии. Не случайно, что Чехов в книге И.В. Дмитриевской представлен не как «позитивист» (точка зрения Л. Шестова, Д. Мережковского, А. Скабичевского и др. [См.: Дмитриевская 2008: 11—12]), а как экзистенциальный писатель: «экзистенциальная проблема — основная в драматургии А.П. Чехова» [Дмитриевская 2008: 33].

Отметим, что использование методов реализуется не как арифметическое сложение (как кажется на первый взгляд). Перед нами комплексный подход, когда каждый последующий метод умножает смысл предыдущего. Такое «расширенное зрение» убеждает в правильности исходной позиции или высказанного положения. Сложное сознание образуется как результат такой многоликой философской голограммы.

Реализация такого рода метаметодологии ставит вопрос о возможности (или невозможности) понять общую логику и философскую траекторию размышления И.В. Дмитриевской. Этот непростой вопрос касается и историко-философской модели индивидуального сознания и предполагает эвристичность применения системной герменевтики к пониманию ноосферной реальности и ноосферных ценностей. Решение этой задачи, на наш взгляд, лежит в русле осмысления ярко выраженного интереса И.В. Дмитриевской к философии И. Канта¹⁴.

«Кантианский путь» И.В. Дмитриевской в ноосферу. Общеизвестно, что И. Кант представил свою философию в трёх критиках («Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения»)¹⁵. Развертывание философской системы через закономерное мысленное движение от «собственно философии» (познавательной проблематики) к «этике» и затем к «эстетике» может быть воспринято как движение от «онтологии и гносеологии» к «аксиологии и праксиологии» — через естественную когнитивную эволюцию от логики мышления (собственно сознания) к диалектике его нравственной и эстетической составляющей в человеческой деятельности. Движение мысли И.В. Дмитриевской вольно или невольно попадает в такого рода кантовскую канву. При этом надо иметь в виду, что в отличие от Г.Н. Гумницкого, выделявшего 4 «части» философии — онтологию, гносеологию, аксиологию и праксиологию, И.В. Дмитриевская считала, что аксиология включается в праксиологию и не является «самостоятельной».

Весьма вероятно, что «кантианская трилогия» («трилогия» имеет место, прежде всего, в художественной литературе) — классический образец эволюции индивидуального сознания философа, ибо он показывает, как философ

---

¹⁴ Он был вызван в том числе и личными связями кафедры философии ИГПИ—ИвГУ с Л.А. Калининским, родившимся в поселке Писцово Ивановской области. Он в 1959 году окончил ИГПИ, писал диссертацию под руководством Г.Н. Гумницкого. После отъезда Л.А. Калининского в Калининград преподаватели кафедры философии ИвГУ регулярно ездили на конференции по Канту в «город Канта». Может быть, по этой причине И.В. Дмитриевская блестяще знала кантианскую философию. (Аспиранты Ивановской государственной сельскохозяйственной академии, где она вела занятия, не только с интересом слушали лекции ведущего профессора, но и с восторгом говорили о том, что понимают ход кантианской мысли).

¹⁵ В наше время аналогичная проблематика философской транзитивности естественным образом воспринимается по самим названиям не только в контексте просвещенческого, но и ноосферного пафоса.

от «всеобщей теории» переходит к «всеобъемлющей практике». Тернарные модели характерны для уёмовской философской традиции, поэтому попытка представить творческий путь И.В. Дмитриевской (который без всякой натяжки может быть назван «системная герменевтика ноосферы») через троичность вполне закономерна. В этом плане «Системная герменевтика» представляет собой подобие третьей критики, «Метафизика злого сердца» — вторая критика, а вот первая критика спрятана в статьях, которые как система представлены в коллективной монографии «Системный анализ ноосферной динамики России» [Дмитревская 2002].

«Ноосферная кантиана». Смысл философского анализа проблем ноосферы в работах И.В. Дмитриевской ещё более прояснится, если учесть то обстоятельство, что у В.И. Вернадского есть фундаментальная статья, касающаяся творчества И. Канта [Вернадский 1981]. Выбирая философский путь своей научной деятельности, В.И. Вернадский отдавал предпочтение Канту перед Гегелем (и соответственно последователями Гегеля — Марксом и Энгельсом). Это связано с тем, что Кант сам много работал в сфере естественнонаучного знания и имеет большие заслуги в этой сфере (примером тому служит теория Канта-Лапласа о происхождении Земли и Солнечной системы). Критика В.И. Вернадским философских оснований марксизма в книге «Научная мысль как планетное явление» привело к тому, что параграфы с критикой марксизма были опубликованы лишь в 1991 году [Вернадский 1991]. (В отечественной традиции прочно сложилась традиция смотреть на Вернадского как на «диалектического материалиста», ибо только в этом философском пространстве о Вернадском можно было говорить в условиях жесткого доминирования партийной идеологии). Более того, по этой причине о проблеме ноосферы следовало говорить, только смотря «глазами марксистской философии». Выскажем предположение, что в своих книгах И.В. Дмитриевская сделала шаг «назад к Канту», чтобы фактически сделать два шага вперед в понимании ноосферы. Такого рода предположение позволяет сделать важный вывод, который касается не только творчества И.В. Дмитриевской, но и «самого великого Канта»: кенигсбергский мыслитель в действительности занимался фундаментальными вопросами становления и образования «ноосферы», не используя появившийся значительно позднее термин, родившийся в лоне «французской и русской философии» (т. е. в творчестве П. Тейяра де Шардена, Э. Леруа и В.И. Вернадского). «Ноосферная кантиана» предстает «в фас» и «в профиль»: в первом случае, речь идет о «ноосферном дискурсе» самого Канта, а во втором, о том, как через призму кантианской философской традиции выстраивать «философскую ноосферологию», чем, собственно, и являются самые яркие страницы в трудах И.В. Дмитриевской. То, что кантианская философия воспринималась И.В. Дмитриевской не в «фундаменталистском смысле», а «в её русской интерпретации» свидетельствуют работы, в которых творчество Канта рассматривается в контексте «русского кантианца» Вл.С. Соловьева [Дмитревская 2007]. Насколько востребован был такого рода взгляд в постперестроечный период развития российской философии свидетельствует тот факт, что главные книги И.В. Дмитриевской, были переизданы в столичных издательствах [Дмитревская 2013; Дмитриевская 2019].

Диалектика ноосферы. Гипотеза о том, что философское творчество И.В. Дмитриевской можно представить как фундаментальный ноосферный дискурс может показаться весьма рискованной (сама И.В. Дмитриевская об этом

нигде не писала, но подчеркивала, что главное её детище — системная герменевтика), но весомые аргументы для такого утверждения имеются. Особенность подходов И.В. Дмитриевской связана с тем, что, очевидно, литературный путь осмысления ноосферы один из самых эвристических и антропологических — именно в мировой литературе ноосферная динамика отражена наиболее близко к естественному человеческому осмыслению мира и самого человека. Философская стезя, дополненная филологическими сюжетами, открывает жизненно-экзистенциальные формы ноосферной динамики в её космопланетарном выражении.

Обращение И.В. Дмитриевской к ноосферной проблематике связано с проведением в 1983 году в ИвГУ первой ноосферной конференции «Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение». Её доклад касался системного подхода к проблеме соотношения естественного и искусственного в период становления ноосферы [Дмитревская 1991]. Выбор проблематики был связан с тем, что на кафедре философии под руководством профессора Н.П. Антонова аспирантка Н.В. Тетерина работала над темой «Диалектика естественного и искусственного в развитии природы и общества». Тема была сформулирована так, чтобы можно было заниматься ноосферной проблематикой, прямо не называя её¹⁶. И.В. Дмитриевская, которая не имела своих аспирантов, но любила заниматься с молодежью, быстро оценила творческие способности Н.В. Тетериной и решила показать возможности системного подхода применительно к исследованию ноосферы¹⁷.

Ноосфера как системно организованное всеобщее. Так начиналось формирование нового направления в философии сознания и ноосферы — использование эвристических возможностей системного подхода и общей теории систем [Уёмов 1978] применительно к изучению процессов перехода биосферы в ноосферу. Анализ ноосферы с точки зрения «критики чистого разума» (а ЯТО мог рассматриваться именно в таком ключе) дал выдающийся результат: концепция, изложенная в самых общих чертах в 1988 году [Дмитревская 1988], выросла в фундаментальную статью «Ноосфера как системно организованное Всеобщее» [Дмитревская 1997], ставшую основой для развития ноосферной школы. Фактически И.В. Дмитриевская подхватила антоновскую традицию «философии сознания и ноосферы», оставшуюся до некоторой степени вне научного руководства после смерти Н.П. Антонова.

Для понимания философского смысла статьи «Ноосфера как системно организованное всеобщее» важно напомнить, что в рамках кафедральной традиции определение философии давалось через призму представлений Г.Н. Гумницкого: философия — это учение о всеобщем. И.В. Дмитриевская

---

¹⁶ Первый подход проф. Н. П. Антонова к работе с аспирантами Т.Е. Халезовой и В.Н. Барякиным в 1970-х годах над проблемами осмысления ноосферы был связан с публикацией статей, имеющих ярко выраженную диалектико-материалистическую методологическую направленность. Несмотря на публикацию статьи «О двух концепциях ноосферы» в центральном философском журнале «Философские науки» [Антонов, Барякин 1978], ноосферная проблематика в диссертационных работах еще не приветствовалась, так как могла вызвать проблемы в ВАКе.

¹⁷ В этом случае мы прикасаемся к одной из особенностей профессора И.В. Дмитриевской — она часто следовала в русле научных интересов коллег, словно помогая им на пути сложнейшего освоения системного подхода в исследуемой области. Это ноосферное качество личности — стремление помочь интеллектуальному росту другого — которому И.В. Дмитриевская следовала как философскому императиву университетского бытия.

уточняла, что всеобщее может быть «абстрактно всеобщим» и «конкретно всеобщим». В статье ставится вопрос о том, «можно ли утверждать, что ноосфера обладает статусом всеобщего... можно ли считать понятие “ноосфера” философским» [Дмитревская 1997: 8]. Ноосфера представлена и как всеобщее, и как система, и как реальность. Показано, что переход биосферы в ноосферу имеет две тенденции (экстенциональную и интенциональную) [Там же: 23], но самым важным научным результатом этого исследования является мысль о том, что «в ноосфере как информационно-энергетическо-вещественном единстве целостность определяется отношениями между информацией, энергией и веществом. Эти отношения должны фиксироваться в определенных законах сохранения, открытие которых всегда свидетельствует об относительной сформированности научного знания. Общий ноосферный закон должен выражать константное отношение между тремя этими компонентами» [Там же: 20].

Основной ноосферный закон. Постановка проблемы в таком общем виде для того времени носила фундаментальный характер (идеи В.С. Стёпина о трех научных картинах мира еще только начинали пробивать себе дорогу), она требовала определенной формальной конкретизации. Формулировка основного ноосферного закона была приведена уже через год в рамках проведения межгосударственной научной конференции «Ноосферная идея и будущее России». Для понимания сущности этого важного «ноосферного открытия» отметим, что «оболочкой» для формулировки основного ноосферного закона стало название «“Тимей” Платона: миф о Живом Космосе». «Ноосферная идея, — пишет И.В. Дмитревская, — широко распространена в миропонимании древних. В качестве модели ноосферного Универсума рассмотрим концепцию Живого Космоса Платона...» [Дмитревская 1998: 29]. Классическая формулировка выведения основного ноосферного закона выглядит так: «Развивая философское содержание учения о Ноосфере, мы пришли к выводу, что Ноосферу следует понимать как *системно организованное Всеобщее*. Всякая система имеет три уровня организации — концептуальный (уровень системообразующего свойства), структурный (уровень системообразующего отношения), субстратный (уровень элементов); направление системного исследования — от свойств и отношений к вещам. Основные характеристики любого геобиохимического явления — вещество, энергия и информация — занимают определенные позиции в организации Ноосферы: информация — концепт, энергия — структура, вещество — субстрат. Целостность Ноосферы как системы, в отличие от неноосферных явлений, обусловлена информационной составляющей (концепт), а не энергетической или вещественной. Системная взаимосвязь информации, энергии и вещества выражается в виде *основного ноосферного закона: информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество*» [Там же]¹⁸.

¹⁸ Развитие основного ноосферного закона нашло свое продолжение и развитие в монографии Д.Г. Смирнова [Смирнов 2008], рецензентом которой была И.В. Дмитревская. Предлагаемый им универсальный ноосферно-семиотический закон даёт представление не только о второй «оборотной» стороне взаимосвязи «информации, энергии и вещества», но и о Большом круговороте знаков и языков сознания. Как закономерное продолжение идей И.В. Дмитревской в рамках ивановской ноосферной традиции через 10 лет свою формулировку нашла и вторая сторона отношения «вещества — энергии — информации»: «вещество разворачивается в энергию, энергия распаковывается в информацию» [Смирнов 2008: 103—105].

Теория ноосферной деятельности. Следующий значительный шаг в этом направлении будет сделан в рамках *деятельностного осмысления* ноосферного закона. Фактически перед нами открывается *второй этап* ноосферного творчества И.В. Дмитриевской, связанный с «критикой практического разума», созидающего и разрушающего ноосферу. «Цель ноосферной деятельности, — пишет И.В. Дмитриевская, — осуществить отбор информации таким образом, чтобы она управляла энергетическими процессами во благо живой природы и человечества. Эта цель — концепт ноосферной деятельности. Структура её — особая форма связи между информацией и энергией, позволяющая “просеивать” энергетические структуры сквозь “сито” конструктивной информации, придавая положительную направленность использованию энергии. Субстрат — человеческие поступки, которые, в соответствии с указанными критериями, можно отнести к ноосферному поведению. И хотя мы ограничены в своей деятельности условиями места и времени, мы должны действовать таким образом, как будто этих ограничений не существует» [Дмитревская 2000: 24—25]. Так, через иносказание «категорического императива» И. Канта строится ноосферная праксиология, которая включает в себя «ноосферный императив» и всю систему ноосферных ценностей.

Переход от теоретического осмысления гносеологического и эпистемологического среза ноосферного знания к теоретическому выстраиванию системы человеческой деятельности (т. е. своего рода прикладному и практическому измерению) связан с книгой «Метафизика злого сердца» [Дмитревская 2012], которая рассказывает о пограничных и предельных аспектах преобразующей деятельности человека и человечества. Сама И.В. Дмитриевская говорит о том, что это «книга о сущности религиозного сознания» [Дмитревская 2012: 304, 309], что погружает читателя в универсумное (вселенское) лоно «Большой русской философии», которая органично включает в себя и религиозное начало. Во введении автор отмечает, что «предметной областью приложения метода являются философские и художественные тексты И. Канта, В.С. Соловьева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского»¹⁹.

Перед нами «герменевтический переход» от А.П. Чехова (которому была посвящена предыдущая книга [Дмитревская 2008a]) «в золотой век» русской культуры. Книга о Чехове получает свое продолжение (послесловие) в статье «О ноосферности пьес А.П. Чехова» [Дмитревская 2008b]. Думается, что такой подход в полной мере может быть отнесен и к осмыслению «феномена ноосферности» в следующей книге.

Ее истоки раскрываются неожиданным замечанием: «...вопрос об онтологизации Добра выходит за границы нашей темы. Он прекрасно описан в книге В.С. Соловьева “Оправдание Добра”» [Дмитревская, 2012, с. 270]. Образование ноосферы (фактически «оправдание Добра») лежит между «онтологизацией добра» и «онтологизацией зла»: когда обнаруживается понимание *устроенности* «круговорота сознания», то появляется возможность провести границы между ноосферой как реальностью и ноосферой как мифом и утопией. Именно в этом контексте можно было бы говорить о том, что формула «онтологизация зла в бытии мира и человека» подобна формуле

¹⁹ Связь названия книги И.В. Дмитриевской (на обложке мы видим — «Метафизика злого сердца») с кантовской традицией совершенно очевидна, в списке литературы зафиксированы такие работы И. Канта как «Основы метафизики нравственности» и «Метафизика нравов в двух частях» [Дмитревская 2012: 336].

«онтологизация зла в ноосфере». Для ноосферной философии это центральная проблема, ибо формирование и образование ноосферы представляются как онтологизация сознания, представленная воплощением истины, добра и красоты в космопланетарной реальности.

«Онтологизация ноосферы». Представление всей полноты аргументации И.В. Дмитревской относительно онтологизации зла тема очень широкая (затрагивающая не только теоретическую философию И. Канта и Вл.С. Соловьева, но и художественную философию Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского), для демонстрации сути системного подхода к ней приведем одну (но весьма пространную) цитату: «Зло появляется в “передаточном звене” между горным и тварным миром и существует в тварном мире; основой зла является *свободная воля*, употреблённая не во благо Господне, а против Его воли и Его закона. Зло постепенно обретает статус *атрибутивности* и *реляционности*, присутствует как свойство некоторых человеческих поступков, а затем, если следовать логике рассуждений В.С. Соловьева, приобретает статус относительно самостоятельной вещи, становится *реальностью*. И тогда борьба с ним требует основания “в ином порядке бытия”. Видимо, это надо понимать так, что в земном, тварном мире очень мало сил для борьбы с реальным злом. Эти силы нужно находить в законе, установленном для горнего мира, в Логосе. Эти силы имеет человек веры, тот, кто смотрит на события глазами Бога и видит в своем существовании высший, трансцендентальный смысл бытия. Но как найти этот смысл? Это можно понять, исследовав метафизику зла и злого сердца» [Дмитревская 2012: 53]. Когда И.В. Дмитревская говорит о Логосе, она фактически перебрасывает мостик к ноосферной проблематике не только через тексты русской классической философии (В.С. Соловьев), но и русской классической литературы.

«И в этом, — продолжает И.В. Дмитревская, — одно из главных противоречий человеческого существования. Будучи, по идее, образом и подобием Божиим, человек использует дарованную ему свободу воли во зло Божественной природе, себе и человечеству» [Там же: 55]. Перед нами обнаруживается попытка перехода от своего рода «гносеологического созерцания» к «метафизическому *сосердчанию*», измерения Вселенной сердцем. «У В. Соловьева существует, однако, четко прописанная системная закономерность появления зла в тварном мире: оно возникает *вследствие разделения, разрушения целостности и всеединства жизни*; там, где жизнь даёт трещину, появляются ростки смерти, которые, становясь взрослыми и сильными организмами уничтожают жизнь» [Там же: 56]²⁰.

Обращаясь к этой книге И.В. Дмитревской важно подчеркнуть суть восхождения в названии книги от «проблемы онтологизации зла в бытии мира и человека» к «метафизике злого сердца»: не только в русской философии, но и в русском искусстве (и даже во всей русской культуре) сердце всегда стояло выше разума: гносеология строилась на понимании Разума с большой буквы, а Разум по определению включал в себя метафизику познания сердцем.

²⁰ В.И. Вернадский сформулирует в конце своей жизни эмпирическое обобщение, которое можно было бы назвать «законом Вернадского»: «нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей как закона природы» [Вернадский 1987: 302]. Невозможно не заметить, насколько близко такого рода понимание к соловьевским размышлениям, о которых пишет И.В. Дмитревская, и в этом отчетливо проявляется ноосферная логика, которая особенно актуально звучит сейчас — в безжалостную эпоху гибели «старого мира».

Ноосферные размышления не должны ограничиваться скелетом «чистого разума», они должны выходить в «человеческое пространство вселенского бытия».

В течение долгого времени «философия ноосферы» строилась через философские модели диалектического метода Г.В.Ф. Гегеля, а также через системы диалектического и исторического материализма [например, Н.П. Антонов, А.К. Адамов]. И.В. Дмитриевская идёт дорогой И. Канта, Вл.С. Соловьева и (пусть это не будет неожиданным) В.И. Вернадского, который в своей статье «Кант и естествознание» раскрыл свои философские приоритеты, а в книге «Научная мысль как планетное явление» показал «недостаточность» для работы натуралиста «свободной» гегельянской диалектики, давая одновременно и критику «марксистской диалектики» [Вернадский 1991: 244—252]²¹.

Как возможны «ноосферные суждения»? Книга «Системная герменевтика» [Дмитревская 2014] показывает *третий этап* философского творчества И.В. Дмитриевской. Она сильнее всего доказывает мысль о том, что И.В. Дмитриевская последовательно создавала свою собственную ноосферную философию. В книге всего два раздела: первый раздел «Онтологические и антропологические аспекты системной герменевтики» естественным образом переходит во второй, получивший название «Ноосферные смыслы системной герменевтики» [Там же: 382]. Для понимания архитектоники этой итоговой книги важно помнить постоянно утверждаемую мысль о том, что «основной метод классической герменевтики — герменевтический круг. Его содержание многофункционально... текст в финале герменевтического исследования представлен как целостность» [Дмитревская 2012: 6]. Следует признать, что последнее и есть главное: весь титанический труд «превращения филолога в философа» завершился формулой «ноосферные смыслы системной герменевтики».

От системной герменевтики к визуальной философии. Каждая книга И.В. Дмитриевской начинается с «картинки»²²: на обложке размещается

²¹ Диалоги с И.В. Дмитриевской часто касались вопроса о «сверхсистемности». Системный подход, считала она, не предполагает термина «сверхсистемность» применительно к ЯТО (языку тернарного описания), так как если задан концепт, то он возникает на структуре, связывающей отдельные элементы системы. Изменение концепта приводит к появлению другой системы, но не предполагает сверхсистемности. Впервые эта дискуссия возникла еще при обсуждении монографии и докторской диссертации Г.С. Смирнова [Смирнов 1998]. Впоследствии проблема обсуждалась в контексте размышлений о системно-синергетическом подходе: ноосферная реальность и ноосферное сознание представлялись явной сверхсистемностью по той причине, что «наличный хаос» предполагает, что не только флуктуации, но и «странные аттракторы», определяющие изменение системы, её динамику и транзитивность. Дискуссия иногда превращалась в схоластический спор, но способствовала поиску ответов на сложные вопросы об использовании системно-синергетического подхода в проведении комплексных ноосферных исследований.

²² Первая книга И.В. Дмитриевской «Текст как система: понимание, сложность, информативность» получила обложку из рук художника В. Поюрова (сотрудничавшего тогда с редакционно-издательским советом ИвГУ). Она была с глубоким смыслом, который раньше не бросался в глаза. Очевидно, И.В. Дмитриевская, называя книгу, находилась под обаянием языка тернарного описания (ЯТО), уёмовская триада «вещь — свойство — отношение» в этом (подготовленном для защиты докторской диссертации труде, а вовсе не «учебном пособии», как указано в выходных данных) случае превратилась в триаду «понимание — сложность — информативность». В. Поюров как виртуозный «плакатист» подобрал к триаде И.В. Дмитриевской «триколор» из треугольников (фактически задав не только цвета, но и порядок будущего российского флага):

специально подобранный в огромном изомире «великий концепт», отражающий главный смысл книги. Особенно полно это представлено в последней книге «Системная герменевтика». В ней дается подробное описание с точки зрения системной герменевтики не только обложки, но и нескольких «философских фотографий», на которые И.В. Дмитриевская не случайно обратила особое внимание (эти фото-произведения могут много рассказать про неё и про её системно-герменевтическое сознание). Эти фотографии как особый дискурс — есть своеобразный способ перевести системно-герменевтический подход в *сверхсистемно-герметический* способ объяснения для понимания. Остановимся подробнее на этих размышлениях.

Фотографии Л.А. Кривцовой раскрывают герменевтику визуального. «Эти работы выражают поэтапное «восхождение к смыслу» — от внешнего к внутреннему, а затем к трансцендентальному; от интерпретационной модели понимания к собственно понимающей, к смыслам, которые не навязаны зрителю, и не воспринимаются им как собственные, а, возможно, те, которые хранит художник в глубине души. Здесь присутствуют и ноосферные и неноосферные трактовки видимого, и “путь жизни” и “путь смерти” для природы, объектов изображения, смыслов предметов — вещи, обладающих определенностью и непосредственной понятностью, и смыслы — неопределенные, текучие, становящиеся и исчезающие, смыслы свойств и отношений» [Дмитревская 2014: 363].

Рассмотрим повнимательней, как трактует автор смысл обложки своей книги. Она «вызывает непосредственную реакцию *иронического неприятия*. Я её назвала “Офис закрыт”. На первый взгляд, сюжет *юмористический*. Заброшенный уголок какого-то густо заросшего зеленого пространства (сада или парка). Никаких индустриальных пейзажей. На первом плане — сточная канава и зеленая трава. Обвалившийся угол здания, битый кирпич, щебень, сор. Главный “персонаж” — белый особнячок видимо XIX или начала XX века. Полуразрушенный, с зарешетчатыми окнами, с обвалившимся углом. В глаза бросается большая обитая ржавым железом дверь. Надпись белой краской “Офис закрыт”. И — висячий замок. Людей нет, но они присутствуют неявно. Те, кто определил “путь смерти” для этого дома, и, скорее всего для себя тоже. Всмотриваюсь в картину и не соглашаюсь со “смертью”. Да нет — дом жив» [Там же: 363]. Заканчивается этот анализ восклицанием: «Не соглашаюсь со смертью, не сдаюсь, ищу внутренних и трансцендентальных смыслов» [Там же: 364]²³.

Впрочем, есть одна книга [Дмитревская 2008], обложка которой не нашла описания и *растолкования* в самой книге, — на её обложке фотография, которую выбрала сама Ирина Владимировна из фотографий, которые были

«информативность» располагается в красном сегменте, «сложность» — в синем, а «понимание» в белом. Логика системного подхода — от концепта к структуре и далее к элементам — задана безукоризненно не только в словесном, но и в образно-цветовом воплощении. Не надо сомневаться в том, что И.В. Дмитриевская одобрила это (выражаясь современным языком) «визуально-философское» решение: треугольники философской тернарности хорошо отражали совсем уже не диалектическую, а тернарную философию (книга подписана к печати 20.09.1985 года, т. е. «перестройка уже началась»).

²³ Когда Ирина Владимировна рассказывала об этой фотографии, она, очевидно, не знала, что эта фотография сделана на том месте, где скоро вознесется новый спортивный зал, пристроенный к новому восьмиэтажному корпусу ИвГУ... Впрочем, это внешняя сторона, а внутренняя заключалась в том, что предупреждение «офис закрыт» указывало на то, что у профессора, который всегда с безграничной отзывчивостью шел всем на помощь, сил уже практически не оставалось. Но оставались вера и надежда.

сделаны в Плесе во время экскурсии участников конференции «Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия» 2003 года. После путешествий «по плёским горам» и созерцания волжских далей мы посетили для перекуса старый сад дома, расположенного недалеко от Троицкого собора. Был май, ярко светило весеннее солнце, на приусадебном участке цвели вишни, а под ними были размещены столы и лавки, все пили чай из самовара с бутербродами...²⁴ Вишневый сад — это может быть главный философский смысл, который подарил Чехов будущей России: каждый раз, когда мы будем вырубать вишневые сады нашего бытия, будем за это расплачиваться и долго исправлять невольные ошибки неправильно понятой национальной идентичности.

Так вот и совершается восхождение к ноосферным смыслам. Инструмент «системной герменевтики» рано или поздно должен быть применен уже к анализу не давно написанных текстов, а к той реальности, в которой приходится жить человеку и человечеству. Так встретились «системная герменевтика и ноосфера»²⁵.

Очень интересно вспоминать, как строилась концепция конференции «Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия» [Реалии...: 2003]. Послеантоновская конференция в полной мере должна была подвести итоги трудного пути перестроечного и постперестроечного времени. Из числа авторов, которые представили свои доклады в 1983 году, осталось не так много. (Важно именно такого рода синергичное действие коллективного разума, занимающегося поиском ответов на самые сложные гуманитарно-гуманистические вопросы). И.В. Дмитревская представила итог своей деятельности на стыке гуманитарного синтеза: пока это была формулировка «системно-герменевтический анализ». Она интересна тем, что логика философского развития всегда предполагает рождение нового метода (тем более важно, что это был результат интегративного — в данном случае бинарного — движения), и только потом, постепенно совершался кульбит в сторону от гносеологии к онтологии — т. е. к предметной области реальности.

Языки опредмечивания и распредемечивания сознания. Наша задача не заключается сейчас в том, чтобы раскрыть все содержательные параметры ноосферной дискурсии в творчестве И.В. Дмитревской. Задача значительно уже: показать методологические ресурсы, которые использованы на пути этого поиска.

Отметим, что дальнейшее размышление о пространстве языков сознания связано с «понятийной тернарностью», которую использовал Н.Н. Моисеев для описания процессов универсального эволюционизма («языки» без сомнения подчиняются этому всеобщему природному процессу). В этом смысле

---

²⁴ Интеллигенция в вишнёвом саду в наступившем XXI веке оказалась похожей на ту интеллигенцию, которая была изображена А.П. Чеховым сто лет назад в XX веке (пьеса была написана в 1903 году). Все рассуждали о ноосфере и ноосферных реалиях, мечтали о том, что изменится ситуация в стране, ноосферная идея может оказать влияние на будущее России. А Плес был уже отписан новым (новорусским) Лопахиным, которые скоро будут вырубать не только вишневые сады, но плёские берёзовые рощи, по которым еще ходил Левитан. Всё это еще только будет, а пока интуиция Ирины Владимировны из множества фотографий выбрала этот плёский вишневый сад, в котором ещё предусмотрено место для сообщества «странных людей» — мечтателей-интеллигентов нового тысячелетия.

²⁵ Поворот к ноосферной проблематике для И.В. Дмитревской был несколько «нелогичен». Она хорошо относилась к Н.П. Антонову как к человеку и как ученому, но «естественнонаучные» и гуманитарные интересы на кафедре лежали в разных корзинах.

можно говорить о «языке», «Языке» и «ЯЗЫКЕ». В широком смысле слова «ЯЗЫК» представляет всё богатство соединения бытия и сознания.

Философия языков описания сознания может опираться и на системный подход в духе А.И. Уёмова: ЯТО — язык тернарного описания. В этом случае языки могут быть рассмотрены на уровне субстрата, на уровне структуры и на уровне концепта. «Вещественные языки» (уровень «субстрата» в ЯТО) — самые простые, они связаны с «предметами», которые называют «вещими предметами» (предметами, которые *говорят* сами за себя). «Структурные языки» (методологические языки сознания) отражают все богатство связей между «вещими вещами», делают понятной корреляцию между «миром вещей» и «миром когнитивных отношений», укорененных в структурах головного мозга человека. «Концептуальные языки» (языки сильного синтеза) раскрывают вселенские смыслы человеческого бытия, делают доступными категории сверхсознания (такие как Бог, Вселенная, Мир, Бытие, Материя, Ноосфера). Вся система языков и позволяет объять необъятное, осуществить то, что профессионально делает философ. Системная герменевтика пытается открыть эти «языковые окна и двери» в мир потаённого.

Описание ноосферы предполагает использование большого количества «ментальных инструментов», так как для каждого ракурса ноосферного видения мира существует свой язык: при переходе от одного описания феномена к другому меняется и языковая инструментализация. Языковая транзитивность хорошо видна во втором разделе книги «Ноосферные смыслы системной герменевтики» [Дмитревская 2014]: движение от системных моделей идеального (самый корневой смысл) к проблеме репрезентации ноосферы как мифа и реальности (первый срез «языкования»), утверждению ноосферного диалога и ноосферного текста (а значит, и коммуникативного пространства) как пути к созданию ноосферы (второй срез «языкования»), и, наконец, постижению ноосферного времени («временования ноосферы») (третий срез «языкования»). Последний параграф раздела кажется неожиданным в этой герменевтической системности (он называется «Принцип системности и мифологическое время в диалоге Платона “Тимей”»), но в действительности он полностью отвечает логике «герменевтического круга». Восхождение от Платона к Канту, Гегелю, Соловьеву, Толстому, Достоевскому, а затем — снова к Платону. Круговорот смыслов и языков в ноосфере столь же естественен, как и круговорот вещества и энергии в природе²⁶.

И.В. Дмитревская считала, что главными вопросами для человека являются вопросы о смысле жизни и смерти. «Ответы на эти вопросы даёт философия, но больше — герменевтика, наука “о правилах общения и понимания”» [Там же: 5]. Так, в ответах на студенческие вопросы постепенно рождалась системная герменевтика, а дело философа — постепенно перевести большое эмпирическое пространство в теоретическую плоскость, научить понимать жизнь. Это, может быть, самое главное в высшем образовании, которое в соответствии со смыслами русской культуры должно строиться с гуманистическими, а не технократическими доминантами.

---

²⁶ Размер статьи не позволяет в полном объеме описать систему ноосферной философии, созданной И.В. Дмитревской, для решения такой задачи требуется писать отдельную монографию, но это означает только то, что надо читать труды Ирины Владимировны — они, без всякого сомнения, являются золотым фондом современного ноосферного образования.

Итоги. Рассказать о том, как описывается сознание с точки зрения системной герменевтики — трудная задача, она посильно решается не столько через отношение ко всеобщему или особенному, сколько через единичное.

Философское творчество И.В. Дмитриевской и есть, по сути дела, системно-герменевтическое описание индивидуального философского сознания. Но с этого и начинается живое философствование, которое, когда приходит время, выходит в мир всебытия, в историю рождения и развития Ноосферы. И.В. Дмитриевская работала в нескольких пересекающихся областях — философской антропологии, системной герменевтики и ноосферологии. Разработанный ей метод системно-герменевтического анализа оказался весьма эффективным в осуществлении целого ряда комплексных ноосферных исследований.

История большой европейской философии опиралась на фундаментальную античную традицию, которая утверждала фундаментальную триаду «истина — добро — красота», которая может быть написана не только малыми буквами, но и с заглавной буквы («Истина — Добро — Красота») и, конечно, большими буквами («ИСТИНА — ДОБРО — КРАСОТА»). По этой логике, думается, построена и «триада критик Канта». Однако, вспомним и о том, что четвёртый (и итоговый) основной вопрос философии И. Канта был вопросом о том, «что такое Человек?».

«Антропологический поворот» в философии, совершенный Кантом, нашел отражение в русской философии: создатель русской классической философии Вл.С. Соловьев утверждал, что человек — это Богочеловек, предназначение которого творить добро (так постепенно будет рождаться и Богочеловечество). Русская философия неотделима от русского космизма в его естественнонаучном и философском измерениях. В первой половине XX века в России «антропологический поворот» продолжил другой «поклонник Канта» — В.И. Вернадский, создавший учение о переходе биосферы в ноосферу. В конце XX века академик Н.Н. Моисеев ответил на этот вопрос в книге «Человек и ноосфера» [Моисеев 1990]: он утверждал, надеялся и верил в то, что человек творец ноосферы. Свой ответ на этот вопрос дала и И.В. Дмитриевская, создавая свою ноосферную философию и теорию системной герменевтики ноосферной деятельности: основной ноосферный закон раскрывался через призму соловьевской онтологии добра, которой противостоит «онтологизация зла в бытии мира и человека». Так постепенно трудами отдельных философов мировая философия и отечественная культура вписывается в систему современной ноосферологии.

Список литературы / References

- Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий. Биографии, идеи, труды. М.: Академ. проект, 1999. 944 с.
(Alekseev P.V. *Philosophers of Russia of XIX—XX centuries. Biographies, ideas, works*, Moscow, 1999, 944 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Кант и естествознание // Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. С. 190—213.
(Vernadsky V.I. Kant and natural science, in Vernadsky V.I. *Selected works on the history of science*, Moscow, 1981, pp. 190—213. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
(Vernadsky V.I. *Scientific thought as a planetary phenomenon*, Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.)
- Гумницкий Г.Н. Марксистская диалектика как система. М.: Знание, 1987. 64 с.
(Gumnitsky G.N. *Marxist dialectics as a system*, Moscow, 1987, 64 p. — In Russ.)

- Дмитревская И.В. Текст как система: понимание, сложность, информативность. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1985. 88 с.
(Dmitrevskaya I.V. *Text as a system: understanding, complexity, information content*, Ivanovo, 1985, 88 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Роль философского принципа системности в формировании понятия «ноосфера» // Тезисы докладов республиканской научно-теоретической конференции «Мировоззренческое и методологическое значение учения В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере». Иваново: Иван. гос. ун-т, 1988. С. 84—86.
(Dmitrevskaya I.V. The role of the philosophical principle of consistency in the formation of the concept of “noosphere”, in Gumnitsky G.N. (ed.) *Ideological and methodological significance of the teachings of V.I. Vernadsky about the biosphere and noosphere*, Ivanovo, 1988, p. 84—86. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Методологические аспекты исследования текста как системы: автореферат дис. ... д-ра философ. наук: 09.00.01. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т, 1989. 31 с.
(Dmitrevskaya I.V. *Methodological aspects of the study of text as a system*, Kuibyshev, 1989, 31 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Ноосфера как системно организованное всеобщее // Философские истоки учения В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере. Тезисы докладов республиканской научно-теоретической конференции. Иваново, 19—20 апреля 1990 года. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1990. С. 44—46.
(Dmitrevskaya I.V. Noosphere as a systemically organized universal, in Gumnitsky G.N. (ed.) *Philosophical origins of V.I. Vernadsky's teaching on the biosphere and noosphere*, Ivanovo, 1990, pp. 44—46. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Системный подход к проблеме соотношения естественного и искусственного в период становления ноосферы // Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. Т. 2. М.: ФО СССР, 1991. С. 148—158.
(Dmitrevskaya I.V. A systematic approach to the problem of the relationship between the natural and the artificial during the formation of the noosphere, in Girusov E.V. (ed.) *The teaching of V. I. Vernadsky on the transition of the biosphere to the noosphere, its philosophical and general scientific significance*, Moscow, 1991, vol. 2, pp. 148—158. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Ноосфера как системно организованное всеобщее // Ноосферная парадигма образования: От лица к университету. Материалы лицейско-университетской научно-методической конференции «Предметно-содержательное и психолого-педагогическое обеспечение становления ноосферной школы». Иваново, 23—25 апреля 1997 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. С. 8—27.
(Dmitrevskaya I.V. Noosphere as a systemically organized universal, in Smirnov G.S. (ed.) *The noospheric paradigm of education: from lyceum to university*, Ivanovo, 1997, pp. 8—27. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Ноосферный текст: системно-герменевтический анализ // Реалии ноосферного развития. М.: Издательский дом «Ноосфера», 2003. С. 194—206.
(Dmitrevskaya I.V. Noospheric text: system-hermeneutical analysis, in Smirnov G.S. (ed.) *Realities of noospheric development*, Moscow, 2003, pp. 194—206. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Логика: Учебное пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2006. 384 с.
(Dmitrevskaya I.V. *Logic: Textbook*, Moscow, 2006, 384 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Принцип системности в нравственной философии И. Канта и Вл. Словьева // Соловьевские исследования. 2007. № 14. С. 226—260.
(Dmitrevskaya I.V. The principle of consistency in the moral philosophy of I. Kant and Vl. Sloviev, Soloviev's studies, 2007, no. 14, pp. 226—260. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Герменевтика драматургии А.П. Чехова. Иваново: Иван. гос. сельхоз. акад., 2008а. 186 с.

- (Dmitrevskaya I.V. *Hermeneutics of A.P. Chekhov's dramaturgy*, Ivanovo, 2008, 186 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. О ноосферности пьес А.П. Чехова // Интеллигенция и мир. 2008b. № 2. С. 89—107.
- (Dmitrevskaya I.V. On the noosphere of A.P. Chekhov's plays, *Intelligentsia and the world*, 2008, no. 2, pp. 89—107. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Моя кафедра философии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 3 (3). С. 71—81.
- (Dmitrevskaya I.V. My philosophy department, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2010, no. 3 (3), pp. 71—81. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Герменевтика драматургии А.П. Чехова. М.: ФЛИНТА, 2013. 187 с.
- (Dmitrevskaya I.V. *Hermeneutics of A.P. Chekhov's dramaturgy*, Moscow, 2013. 187 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Метафизика злого сердца: проблема онтологизации зла в бытии мира и человека. Иваново: Иван. гос. сельхоз. акад., 2012. 352 с.
- (Dmitrevskaya I.V. *Metaphysics of the evil heart: the problem of the ontologization of evil in the existence of the world and man*, Ivanovo, 2012, 352 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Системная герменевтика: Концепты. Смыслы. Тексты. Иваново: Иван. гос. сельхоз. акад., 2014. 384 с.
- (Dmitrevskaya I.V. *Systemic hermeneutics: Concepts. Meanings. Texts*, Ivanovo, 2014, 384 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Метафизика злого сердца: проблема онтологизации зла в бытии мира и человека. М.: Флинта, 2019. 353 с.
- (Dmitrevskaya I.V. *Metaphysics of the evil heart: the problem of the ontologization of evil in the existence of the world and man*, Moscow, 2019, 352 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В., Портнов А.Н., Смирнов Г.С. Ноосферная динамика России: философские и методологические проблемы [Часть 1] // Ноосферные исследования. 2000. Вып. 1. 150 с.
- (Dmitrevskaya I.V., Portnov A.N., Smirnov G.S. Noospheric dynamics of Russia: philosophical and methodological problems [Part 1], *Noospheric studies*, 2000, no. 1, 150 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В., Портнов А.Н., Смирнов Д.Г. Ноосферная динамика России: философские и методологические проблемы [Часть 2] // Ноосферные исследования. 2000. Вып. 2. 178 с.
- (Dmitrevskaya I.V., Portnov A.N., Smirnov D.G. Noospheric dynamics of Russia: philosophical and methodological problems [Part 2], *Noospheric studies*, 2000, no. 2, 178 p. — In Russ.)
- Кастанеда К. Учения дон Хуана. М.: Изд-во ЭКСМО-пресс, 2001. 704 с.
- (Castaneda K. *Don Juan's teachings*, Moscow, 2001, 704 p. — In Russ.)
- Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
- (Moiseev N.N. *Man and the noosphere*, Moscow, 1990, 351 p. — In Russ.)
- Плесский Б.В. «Философская оттепель» в Иваново (1952—1964) // Параметрическая общая теория систем и её применения: Сборник трудов, посвященный 80-летию проф. А.И. Уёмова / под ред. А.Ю. Цофнаса. Одесса: Астропринт, 2008. С. 214—218.
- (Plessky B.V. "Philosophical thaw" in Ivanovo (1952—1964), in Tsofnas A.Yu. (ed.) *Parametric general theory of systems and its applications*, Odessa, 2008, pp. 214—218. — In Russ.)
- Реалии ноосферного развития: материалы межгосударственной научно-практической конференции «Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия». Иваново, 21—23 мая 2003 г. М.: Издательский дом «Ноосфера», 2003. 396 с.
- (Smirnov G.S. (ed.) *The realities of the noospheric development*, Moscow, 2003, 396 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. 244 с.

(Smirnov G.S. *Noospheric consciousness and noospheric reality: philosophical problems of the noospheric universe*, Ivanovo, 1998, 244 p. — In Russ.)

Смирнов Д.Г. Семиософия ноосферного универсума: Ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 372 с.

(Smirnov D.G. *Semiosophy of the noospheric universe: Noosphere and semiosphere in global discourse*, Ivanovo, 2008, 372 p. — In Russ.)

Уёмов А.И. Задачи и упражнения по логике. М.: Высшая школа, 1961. 352 с.

(Uemov A.I. *Tasks and exercises in logic*, Moscow, 1961, 352 p. — In Russ.)

SYSTEMIC HERMENEUTICS OF CONSCIOUSNESS: I.V. DMITREVSKAYA IN SEARCH FOR NOOSPHERIC SENSES

Grigory S. Smirnov

Ivanovo state university, Ivanovo, Russian Federation, smirnovgs@ivanovo.ac.ru

Abstract. The article is devoted to the fundamental problem of the philosophical work of Professor I.V. Dmitrevskaya — systemic hermeneutics as a way of describing consciousness and discovering the noospheric meanings of human existence and humanity. The logic of development is traced and the historical features of systemic hermeneutics in the works of I.V. Dmitrevskaya are outlined. The origins of the author's method are recorded — “Uyomov’s logic” and “ternary description language”. The development of systemic hermeneutics as an original philosophical method for analyzing cultural texts is shown. It is concluded that systemic hermeneutics provided the heuristic nature of I.V. Dmitrevskaya’s noospheric research, and the search for noospheric meanings and deep conceptuality can be considered as a kind of attractor of her philosophical thinking. The position on the creation by I.V. Dmitrevskaya of a separate direction within the framework of noospherology — a systemic hermeneutics of noospheric activity — is substantiated.

Keywords: hermeneutics, “language of ternary description”, system hermeneutics, noospheric dialogue, noospheric text, noospheric meaning, noospheric activity, noospheric philosophy

For citation: Smirnov G.S. Systemic hermeneutics of consciousness: I.V. Dmitrevskaya in search for noospheric senses, *Bulletin of Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 161—180.

Материал поступил в редакцию 23.10.2023; одобрен после рецензирования 31.10.2023; принят к публикации 23.11.2023.

The article was submitted 23.10.2023; approved after reviewing 31.10.2023; accepted for publication 23.11.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Смирнов Григорий Станиславович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovgs@ivanovo.ac.ru

Smirnov Grigory Stanislavovich — Doctor of Sciences (Philosophical), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovgs@ivanovo.ac.ru